

Николай Петрович Вагнер

Сказка

Н. П. Вагнер
СКАЗКА

— Бабушка, что такое сказка? К чему она нужна; ведь это все неправда, выдумка? Разве были когда-нибудь скатерти-самобранки да ковры-самолеты, волшебники и волшебницы?

Бабушка посмотрела на внучку сквозь свои окошечки в томпаковой оправе, в которой каждое стекло было с добрый пятак, посмотрела, улыбнулась своей ласковой, доброй улыбкой, поправила чулок и платок, погладила Ваську и сказала:

— Ну, садись, слушай!

И внучка тотчас же уселась на скамеечку у ног бабушки, потому что слушать у ней всегда была охота смертная.

— За горами за долами, — так начала бабушка, — за морями-окианами, за реками быстрыми, за песками сыпучими, за болотами трясухими, за борами дремучими, в земле Трухтанской, в царстве Мурзаханском жил-поживал царь Альбазар с царицей Наяной и с дочкой Альмарой, ясной душой. В целом свете не было девушки краше Альмары-души. Встанет она — и все травки поднимутся, пойдет она — все птички летят за ней. За ней сол-

нышко ходит, к ней ветерок ластится, и все люди на нее не налюбуются.

— Ну, Альмара моя милая, — говорит царь Альбазар, — исполнилось тебе шестнадцать лет, совершеннолетие, и надо справлять его, праздновать по всей земле.

И послал царь герольдов и вестников в царства дальние и ближние, всех звать, приглашать, чтобы все ехали справлять веселый пир, на всю землю Мурзаханскую.

И потянулись, поехали из ближних и дальних стран цари и царицы, царевичи и царевны, короли и королевы, принцы и принцессы, рыцари храбрые и витязи удалые. Все едут, спешат, скачут, летят, на конях и верблюдах, на оленях и страусах, на орлах и лебедях, пыль столбом, дым коромыслом.

Весь дворец царя Альбазара к празднику обновили, поправили. Все хрустальные башенки вымыли, вычистили.

Все серебряные крылечки кирпичиком вытерли. Все они сияют, светятся, а все главы и куполы золотые как жар блестят, горят-радуются.

И вот настал торжественный день. Все по-

сели в полукруг на высоком крыльце и впереди всех, на высоком серебряном стульчике сидит Альмара-душа, и вся краса ее, словно солнце, играет и светится. Сидит она в серебряном платье, золотыми узорами затканном, жемчугом разукрашенном, камнями самоцветными обсыпанном.

А удалые витязи, храбрые рыцари, принцы, королевичи, князья и царевичи в сторонке на конях сидят, дивуются-любуются, и каждый готов за нее в огонь и в полымя.

А музыка играет-гремит, трубы трубят, знамена веют, разноцветные флаги вьются-развеваются.

Выезжают герольды, глашатаи, в трубы трубят, царскую волю вещают.

— Эй, вы, гой еси удалые витязи, славные рыцари благородные! Кто желает, выходи на бой за прекрасную царевну Альмару, утеху сердечную!

Затрубили герольды в первый раз, выехал славный витязь Ашур-Тур, Аксайский князь. Черный конь под ним словно буря косматая и вьет, и метет, по земле расстилается; из ноздрей пламя бьет, из ушей дым валит.

Вьются перья красные, словно пламя огненное, на черном высоком шишаке князя Аксайского, блестят его латы железные, седая борода вихрем разметалась, черные очи, словно угли, горят и жгут.

— Эй! — кричит он зычным голосом и махает копьём. — Эй, кто хочет моей силы испытать-отведать, побиться за прекрасную царевну Альмару!

Но никто не отвечает на этот зов, все молчат, прижимаются. Только царь с царицей грустно переглянулись, сердце у них упало, замерло, чует оно беду неминуемую. Выехал на битву злой колдун-чернокнижник, выехал биться за их дочку милую, за свет Альмару прекрасную.

И дочка смутилась, сидит ни жива ни мертва.

Вдруг затрубили трубы кованые, выезжает из дальних рядов молодой князь Максютский, свет Елизар Альманзарыч. Белый кафтан на нем серебром блестит. Белый конь под ним гордо идет, прижимается; весь обвешан он цацами золотыми и гремит, и звенит колокольцами серебряными. А сам князь, словно

ясный месяц, светит, улыбается. Золотые кудри по плечам вьются. Алая шапочка с белым пером набекрень перекошена. И сидит он молодцом, в правой руке держит копьё булатное, в левой руке — крепкий кованый щит.

Побледнела, покраснела Альмара-душа, чуть не плачет; оглянулась она на отца, и хочется сказать ей:

— Родитель милый, отесинька родненький! не вели ты им биться, не хочу я чужой гибели за свою красоту нежеланную.

Но трубят трубы кованые. И скачет, летит конь Ашура-Тура Аксайского, а белый конь Елизара Альманзарыча на месте стоит, уши приложил и бьет копытом, сторонится.

Словно вихорь, налетел колдун на князя, — так что белый конь нагнулся. Разогнал Ашур-Тур Аксайский копьё булатное и ударил им. Но закрылся князь щитом крепким, и прямо в щит угодило копьё. Расколосся щит — не выдержал. Ашур-Тур Аксайский пронесся мимо, и ударился конь о дощатый забор.

Пошатнулся колдун, побагровел, потемнел, ударил он со злобой вороного коня тяже-

лой булавой, и конь рассвирепел, распалился как бешеный, метнулся он на белого коня Елизара, и не выдержал белый конь: грянулся оземь, и вместе с ним полетел Елизар.

Но не успел долететь до земли, как перышко, вскочил он на ноги, обернулся он в пол-оборота, а Тур Аксайский закружил, закрутил и прямо налетел на копьё Елизар Альманзарыча.

Зацепило копьё панцирь колдуна и высоко к небу взметнуло Ашура-Тура Аксайского. Взлетел колдун и со свистом брякнулся о сыру землю, так что пыль столбом пошла и все витязи ахнули.

Повели Елизара Альманзарыча к трону царскому. Поднялась со стульчика Альмара прекрасная, поднялась краше солнца красного, поднялась, зарделась, словно маков цвет. На одно колено перед ней опустился Елизар, и повязала она ему на плечо серебряный шарф, а сама задрожала вся, обернулась, стрелой бросилась на грудь к отесиньке милому.

А трубы гудят, играют бубны, литавры гремят, звенят; барабаны заморские дробью рассыпаются.

И все гости, короли и князья, витязи удалые и рыцари храбрые встали с своих мест, кричат, руки подняли.

— Да здравствует Елизар, князь Максютский, и Альмара прекрасная!..

А слуги, кравчие несут уж, заготовили стопы меду столетнего, несут кубки шипучих, заморских вин...

А Елизар и Альмара подле царя Альбазара стоят.

У обоих радость в сердцах ключом бьет и пенится. У обоих очи горят-светятся, и не могут они их друг от друга отвести.

И пошли пиры да потехи. Пируют гости и день, и два, и целую неделю, жениха с невестой чествуют, а жених с невестой, как голубки сизые, воркуют и милуются.

Прошла неделя, словно день пролетел, и через три дня уже свадьба назначена. Примеривает Альмара платье подвенечное, самоцветными камнями разубранное, и в этом платье горит ее краса и краше самоцветных камней Елизару Максютскому кажется. Настал канун свадьбы, — все гости ждут, собираются, к венчальному пиру приготавливаются. А

на кухне сотня-другая поваров стряпают, готовят великий пир на весь честной мир. А кравчие царские выкатывают, приготавливают бочки с винами заморскими, с медами ставленными.

Да, видно, в недобрый час свадьба началась. С вечера непогодушка разыгралась. Черные тучи понашли, надвинулись, покрыли небо ясное. Злые вихри налетели — все рвут и метут. Заблестели, засверкали частые молнии. Все небо словно огнем белым и блестит, и горит. И ударила молния в старый дуб, что стоял на царском дворе, изломала, исщепала старый дуб. А другая молния ударила в царскую рощу, и запылала вся роща, словно осенний лист. Выскочили гости на широкое крыльцо, ахают, дивуются, а царевны и королевны в теремки попрятались, уткнули головки в перины пуховые, молятся Перуну: пронеси, грозный бог, гром и бури бурливые, угаси свой огонь, утиши перуны громовые.

Выбежала и Альмара-душа со своим женихом. Жаль ей было старой отцовской рощи. С ужасом смотрит она, как горят липы столетние, дубы вековые, а Елизар зовет ее: пойдём,

поедем, поглядим ближе — взойдем на вышку высокую!

И послушалась его Альмара-душа; пошли они по крыльчикам, переходчикам, а буря лютая рвет и метет. Сорвала она платочек с головы царевны Альмары. Засмеялась она и бойко побежала вперед. Сорвала буря лютая, закрутила, унесла теплую епанечку с белоснежных плеч Альмары-души. Засмеялись оба и еще бойчей побежали вперед. Обхватил, укрыл Елизар своей епанчей дорогую невесту свою. Прижалась она к его сердцу горячему; что мне бури, что мне громы, думает, ты мне свет и жизнь!

Взбежали они на вышку, — буря рвет и метет, с резвых ног валит; перед ними целое море огня, над ними огненные тучи, словно змеи, летят, дышат огнем и полымем, вспыхивают молниями горючими, гремят громами гремучими. И вдруг закрутила, загудела буря — налетела вихрем-вьюном, налетела страшная туча, завила, захватила и унесла Елизара...

Помертвела, вскрикнула Альмара-душа, и на жалобный крик разразилась туча страш-

ным хохотом, и узнала она в этом хохоте голос злого колдуна Ашура-Тура Аксайского. Разразился гром, прогремел, раскатился по полям, по лесам, и замолк страшный хохот.

Упала Альмара-душа на колени, бьется о грязную землю, как голубка трепещется, стонет, плачет, разливается.

Собрались, сбежались гости дорогие. Прибежал и отесинька милый, упал он подле дочки ненаглядной, упал на колени, поднимает ее, расспрашивает, а сам побледнел как смерть, белее бороды своей, белее снегу белого.

Встрепенулись, зашумели гости, храбрые витязи и рыцари благородные, кричат, зовут слуг своих верных.

— Гой вы, слуги верные! седлайте вы скорей ретивых коней, готовьте оружие крепкое!

Через час, собравшись, выехали, скачут, летят прямо к замку высокому, к замку Ашура-Тура Аксайского, что стоит наверху, на круче крутой. Весь тучами черными замок закутался, и бьются из туч молнии, во все стороны мечутся, а громы гремят, рассыпаются. Ни подъехать, ни подступиться, сила не бе-

рет, руки опускаются, а из туч злой хохот гремит, расстиляется, хохот злого колдуна Ашур-Тура Аксайского.

Вдруг загредел, загудел над замком, словно гром перекатный, голос Ашура-Тура Аксайского.

— Гой вы, витязи храбрые! Молодцы удалые! Рыцари благородные! Нет у вас силы Елизара, князя Максютского, у меня отнять. Идите с миром отколь пришли. Несите вы Альмаре-душе сказ-наказ: коли любит она жениха своего, пусть придет за ним в крепкий замок мой. Не изымет сила, изымет простота, доброта. А еще скажите ей, коли любит она жениха своего, пусть одна придет, не страшась, не боясь ни грому, ни молнии, ни темной ночи, ни бури злой.

Поехали витязи, опустив удалы головы, поехали вспять, повезли недобрую весть.

Услыхала Альмара злой наказ: взметнулась, встрепенулась вся, давай собираться скорей.

И снарядилась, пошла Альмара-душа; вывели ее батюшка с матушкой родимые; вывели, проводили в дорожный путь из терема;

простились-прослезились, сами ей вслед глядят.

Идет по дороге Альмара-душа. Ночка темная, растемная. Злая буря ревмя ревет, с резвых ног валит, а злой дождик бьет-сечет. Гремят громы грозные, сверкают молнии, стрелы огневые.

Бодро идет Альмара-душа, бодро идет, не глядит ни на что. Одна у ней мысль, думка горячая: как она высвободит друга милого, Елизара ненаглядного. Идет и час и два, идет целую ночь. К утру зорька загорелася. Белый свет по низам ползет, по лугам расстилается. Подошла Альмара-душа к круче-горе крутой и пошла по дорожкам змеиным.

Скользят ножки по мокрым камням, оступаются, бегут-шумят потоки с горы, с резвых ног валят. Идет Альмара-душа, идет ни на что не глядит. Одна у ней в сердце думка горячая: освобожу я жениха своего, Елизара ненаглядного!

Стала подходить к вершине горы. Развернулась гора, раскуталась. Унесли тучи черные, и весь замок перед ней, как на ладонке, стал. Унесли громы, молнии, только вихорь

рвет-гудит, с резвых ног валит.

Обошла Альмара весь замок три раза, обошла, перед воротами остановилась, а из-под ворот лезет-ползет страшный, престрашный змей-горыныч злой. На голове у него острый гребень торчит, изо рта у него пламя летит. Злые глаза блестят и горят, на спине крылья нетопырьи трепещутся, а хвост как змея вьется, ползет, извивается.

Протянул он к ней лапу когтистую, протянул, растопырил ее.

— Стой! — говорит, — красна девица. Стой, душа Альмара прекрасная! За пропуск выкупа дают. Даром на сем свете ничего не делают.

— Что же я тебе дам? — говорит Альмара-душа, — нет со мной казны-мошны. Хочешь взять монисто мое из зерна бурмицкого? Хочешь взять грецку перевязь?

— Не надо монисто и перевязи. Береги для себя, а мне дай твою девичью красу, русую косу: годится малым деткам на подстилышек.

Схватила Альмара за головку свою, схватила, ужаснулась. А из-под перевязи руса коса скатилась, руса коса, девичья краса, — по земле коса расстилается. Любил эту косу

Елизар, ненаглядный свет, целовал, миловал, каждый день расплетал, заплетал, приговаривал: «Расти ты, коса милой девушки, расти ей на утеху сердечную!»

И подумала Альмара-душа: даю я, мол, выкуп дорогой за дорогого друга сердечного. Подумала, посмотрела на косу в последний раз, поцеловала она ее, промолвила:

«Прощай, моя краса девичья, милей мне тебя мой ненаглядный друг: душу отдам за него, не только мою косыньку!»

— На! — говорит змею-горынычу, — бери мою косу. Не жаль мне ее.

А змей-горыныч не заставил ждать-повторять: вскочил, подскочил, хамкнул зубами и отгрыз-откусил косу девичью.

Встряхнула волосами Альмара-душа, встряхнула, улыбнулась: «Легко и светло у меня на душе, — подумала она, — ближе я к другу ненаглядному».

Толкнул змей-горыныч ворота крепкие; широко ворота растворились.

— Ну, ступай теперь, — кричит он, — девка стриженная, в замок Ашура-Тура Аксайского! выручай жениха ненаглядного!

Вступила-вошла Альмара-душа в проходы с переходцами. Высокие стены со всех сторон поднимаются, чуть видно вверху небо серое. Ползут у ней под ногами змеи лютые. Ползут, шипят, приговаривают:

— Отогрей нас, красная девица, отогрей на белой груди, дай поспать, полежать, теплой крови пососать!

Идет Альмара-душа, не глядит на них; идет длинным коридором и глубже, все глубже коридор в сырую землю опускается.

Сидят по сторонам на камнях больших жабы серые, глазищами зелеными ворочают и горят глазища, в темноте светятся. Пищат, порхают злые мыши летучие; вьются около Альмары, вцепиться хотят.

Остановилась Альмара-душа. Сердце у ней в белой груди трепещется. Слезы к сердцу подступают, белу грудь давят, за горло хватают, жмут. Остановилась Альмара, вскрикнула громким голосом:

— Гой ты! Где ты, мой жених дорогой! Где ты, свет души моей, Елизар Альманзарыч?

И слышит вдруг глубоко под землей, в стонке, дал ответ Елизар Альманзарыч.

— Здесь я, моя голубка-душа, здесь я, моя Альмара ненаглядная!

Встрепенулось все сердце, всколыхнулась душа. Дух захватило в груди, потемнело в очах, помутилось, слезы из глаз в три ручья хлынули.

Бросилась Альмара на голос, но вдруг перед ней стала-выросла высокая стена, сырая, почернелая, а над ней раздался голос злой Ашура-Тура Аксайского.

— погоди, Альмара-душа! Не уйдет от тебя твой Елизар. Коли пришла ты за ним в крепкий замок мой, то выкупи его из неволи злой, отдай мне, Ашуру, твою красу девичью, отдай розы, щечки румяные, белизну бела личика, алые губки, зубки жемчужные, отдай ясные звездочки, светлые глазыньки!

Ужаснулась Альмара-душа, покачнулась, о стену скользкую ухватилась. Слезы у ней в три ручья из ясных глазок покатались.

— Ой, ты, злой колдун Тур, Аксайский князь! Как же я отдам тебе девичью красу мою? Та краса моя заповедная, жениху моему полюбилась, — не моя она, а моего друга ненаглядного.

Отвечает ей Ашур-Тур, Аксайский князь:

— Как хочешь, красавица, царица белолицая, отдашь красу, — друга спасешь, не отдашь, без друга домой пойдешь. Не буду я внакладе, останется мне твой Елизар Альманзарыч, моих змейков-сосунков — своей кровью поить-кормить. Посмотри на него, полюбуйся, девица-красавица!

И вдруг тихо-тихо стенка перед Альмарой расступилась. И видит Альмара: в темном подземелье, за решетками железными, сидит ее жених, крепкими цепями прикованный, сидит белей стены каменной. А на груди у него сосунки играют, ползают, копошатся, белую грудь грызут, сосут, алые струйки по белой груди катятся.

Потемнел белый свет у Альмары в очах, слезки застыли на глазах. Сердце в груди остановилось, — обмерла, упала Альмара-душа. Час и два пролежала она, себя не помня: очнулась, оглянулась, заплакала. Заплакавши, взмолилась:

— Ой! ты, гой еси, злой колдун Ашур-Тур, Аксайский князь! Ты возьми скорей мою красу заветную, — отдай мне моего друга нена-

глядного. Не за мою красу девичью полюбил меня Елизар Альманзарыч. Что краса красной девицы? Сельный цвет пустой. Расцветет она алым цветиком, отцветет-пропадет, словно яблонный цветочек осыплется.

И засвистел Ашур-Тур громким посвистом. Набежали-налетели злые карлы, встали во круг Альмары-души злые карлы черные. Впереди них самый злой — хромой, горбатый, с седой бородой. Поднес он Альмаре маленький горшечек полный воды.

— Смотри, — говорит, — в воду, будем твою красоту снимать! Взглянула в воду Альмара-душа — и вмиг сбежали с щек розы алые: все личико у ней пожелтело, головка закружилась. Отшатнулась она, ухватилась за белую грудь, а злой карло говорит, приказывает:

— Смотри! смотри, красна девица, не вся еще снята твоя красота девичья.

Встряхнула волосами Альмара, снова начала смотреть. По личику побежали морщинки, складочки. Все личико посохло, съежилось, — побежала дрожь по рукам, ногам, по всем суставам, по белой груди, и вся белая грудь по-

сохла, ввалилася. Побелели русы волосы, по-чернели белы зубки, в воду покатилися. Не стало сил у Альмары-души: отшатнулась, отвернулась она от горшечка, вся задрожала, затрепеталася, а злой карло пристаёт к ней, подступает, сверкает очами.

— Смотри! смотри! — говорит, — красна девица, не вся еще снята твоя краса девичья.

Остались у тебя еще глазыньки, что светят, блестят жизнью сердечною.

Отвернулась Альмара-душа, за седую головку ухватилася, отвернулась, заплакала.

— Ой, ты, гой еси, злой колдун! — взмолилась она, — злой колдун Тур, Аксайский князь, обманул ты меня, злой колдун; взял ты вместе с девичьей красой мою молодость! Оставь же ты мне, колдун, мои глазки ясные. По ним узнает меня мой ненаглядный друг, Елизар Альманзарыч.

Отвечает Ашур-Тур, Аксайский князь:

— Хорошо, красна девица, оставлю я тебе твои глазыньки. Не узнает тебя по ним твой ненаглядный друг, не узнает старуху старую.

И засвистел, загремел Ашур-Тур, Аксайский князь. Разбежались карлы черные. Рас-

ступились стены высокие, разомкнулись замки, затворы крепкие, распались цепи железные. И предстал перед Альмарой-душой князь Елизар Альманзарыч.

На дворе белый день блестит, светит ярко солнышко, у Альмары-души туман в очах.

Видит не видит она, идет, шатается бледная тень, и эта тень — ее ненаглядный друг, светел свет Елизар Альманзарыч.

Горе сжало сердце, обессилило: упала Альмара-душа, упала на колени. Хочет вымолвить:

— Ненаглядный мой, счастье мое! Взгляни ты на меня, старую старуху, взгляни на свою Альмару, друга верного! Отдала я за тебя красу-молодость, за твою свободу желанную. Взгляни ты на меня, силы мои явятся, — в хилом сердце заиграет кровь горячая, встрепенется сердце, оживет любовью, радостью!

Поглядел Елизар Альманзарович, — поглядел на старуху старую, ничего не сказал.

«О чем, — подумал, — бедная старушка убивается, горько плачет, как река журчит, и выйду ли я на свободу из замка крепкого, увижу ли я мою звездочку, увижу ли свет-Альма-

ру, дорогую мою красну девицу?» Идет он по переходцам, узким коридорчикам.

Идет за Елизаром Альмара-душа, отгоняет злых летучих мышей, идет, от злого горя шатается.

Вышел за ворота замка Елизар и оглянулся кругом. Далеко с горы крутой даль раскинулась, зеленеют леса, луга зеленые, ходят, гуляют по ним тени, от облачков. Бегут серебряные змейки — речки серебряные, а на самом краю стоят, синеют горы высокие. Глядит Елизар на полуденну сторону. Там далеко, чуть видно, виднеется земля Альбазара-царя.

— Там, думается, там ждет меня моя звездочка ясная, там моя радость Альмара, утеха сердечная.

Сладко, ласково сердце встрепенулося. По душе истома прошла, голова закружилась. Потянулся Елизар, тихо на травку опустился, присел. Опустилась рядом с ним Альмара-душа.

Оглянулся Елизар, посмотрел на нее, видит, горько плачет старушка старая.

«О чем, — думает, — старушка разливается: кругом все светло и радостно, солнце све-

тит и птички порхают, поют. Красен, светел божий мир радостный!»

— О чем, спрашивает, ты, старушка старая, убиваешься? Поведай мне твое горе, — авось вместе размыкаем.

Ничего Альмара-душа не ответила. Отняла она от глаз ручки старые: все морщинками ручки исчерчены; отняла, смотрит на Елизара прямо в глаза, ничего не видит. Бегут слезки, катятся из ясных глазок в три ручья, катятся, застилают все туманным пологом.

Вспомнил Елизар опять о своей Альмаре-душе, потянуло сердце вдаль. Тихо поднялся он с лужаечки и пошел.

Два часа шли, до первого поворота дошли. Ослаб, изнемог Елизар Альманзарыч, на камень придорожный опустился, присел, на плечо Альмары голову склонил. Поднесла ему к губам Альмара фляжку крепкого вина заморского, вина целебного, что взяла с собой из дому, и дала ему выпить три глотка.

Хмельное вино в голову ударило, окреп Елизар Альманзарыч. Встали, дальше пошли. Шли, шли и наконец с горы крутой спустились, а солнце уже высоко стоит, с высоты

небесной греет и палит. По лугам порхают бабочки легкокрылые, жужжат пчелки работницы, высоко-высоко в небе поет жаворонок, поет, щебечет, заливается.

Подошли к леску-рощице, на травку-муравку в тень-прохлад опустились.

— Не знаю, — говорит Елизар Альманзарыч, — дойду ли я завтра до дому? Спасибо тебе, старушка старая, помогла ты мне дойти, молодцу. Довела ты меня до царства Альбазара царя Берендеича, награжу я тебя за это золотом-серебром. Там в дому ждет меня невеста моя, Альмара-душа. Чай плачет, тоскует обо мне, голубка ненаглядная!..

Ничего Альмара-душа не ответила. словно тисками железными сердце у нее сжалось. Пролетели мимо нее две ласточки-касатки сизокрылые. К тем ласточкам-касаткам с своим словом сердечным Альмара обратилась:

— Ласточки, вольные птички свободные! В вольном воздухе день-деньской вы купаетесь. Мила вам свобода, но милей ее — любовь сердечная: без нее и свобода хуже неволи злой. Отдала я любовь, утеху мою, любовь друга сердечного, за его свободу желанную. Выку-

пила я тою любовью моего друга из неволи злой. Видно, правду говорят люди: «Любовью свобода покупается...»

И вдруг замолкла бабушка, посмотрела сквозь окошечки, улыбнулась.

— Что же, бабушка, ты остановилась? Что же дальше было?.. Он узнал Альмару свою милую... Бедная Альмара! Ну, бабушка, рассказывай дальше, пожалуйста, рассказывай скорей.

— Что же я тебе буду рассказывать?.. Дальше все то же было... Тебе жаль Елизара Альманзарыча, жаль Альмару-душу, жаль все доброе, хорошее, — и не жаль все злое, дурное, не жаль Ашура-Тура Аксайского... Ну, значит, сказка и достигла цели! На это она годна. Этим она и красна и сильна. — Ведет она к добру, сеет отвращение к злу. Разве тебе этого мало?..